

3/05/
190

Д. Х.

Исторический Журнал

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

ИЗД.
Издательство „Правда“
1941

Этого автора мы, к сожалению, не «расшифровали» пока, только установили, что есть еще минимум две общие их работы с В.Н.Линецким: Из истории экспедиций на Британские острова

<http://zhistory.org.ua/zeelovs.htm>

Через Ла Манш

<http://zhurnalko.net/=nauka-i-tehnika/tehnika-molodezhi/1941-05--num29>

Раздел «черного материка»

(Из истории империалистической дипломатии)

В ленинских «Тетрадах по империализму» мы находим выписки и оценки многих работ по истории международных отношений и колонизации: таблицы роста колониального могущества держав, перечень главнейших международных кризисов после франко-прусской войны и «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года», сводки, в которой отдельная графа отведена дипломатии и рядом с нею специальная графа — колониальной политике.

И в перечне кризисов и в «Опыте сводки» Африка занимает почетное место. В лаконичных фразах о разделе «черного континента» Ленин подчеркивает основное содержание этого раздела: «1905. Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делают») Марокко. 1911: Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делают») Марокко. Обменивают Марокко на Конго... 10 января 1891: Ультиматум Англии к Португалии: грабят («делают») Африку... 15.XI.84. Берлин. Конференция по вопросу о Конго: делают Африку. «Независимость» Конго!!»¹.

Ленин перечисляет основные узлы дипломатических конфликтов, возникших из-за этого «дележа», растянувшегося на несколько десятилетий: захват Англией Египта, англо-германская конференция о Восточной Африке, Фаллода, англо-французское соглашение 1904 года («готовиться к войне с Германией», — отмечает Ленин в скобках), Алжесирасская конференция, германо-французские соглашения о Марокко 1909 и 1911 годов — вот основные ступеньки сооруженной дипломатией лестницы, которая привела к разделу Африки.

К этому разделу дипломатия капиталистических государств подошла уже обогащенная многолетним опытом международных провокаций. Но именно здесь, в Африке, где столкнулись интересы многих европейских государств, где совершали свою «пробу сил» и державы, опоздавшие к разделу мира, империалистическая дипломатия получила свой «аттестат зрелости».

Прямая линия соединила первую международную конференцию по африканским делам — Мадридскую конференцию 1880 года — с Версальской конференцией 1919 года, которая подводила итог долгим годам соперничества двух империалистических группировок. Мадридский трактат по делам Марокко явился как бы стартом соревнования крупных и мелких государств за обладание Африкой; это был еще период расстановки сил, когда в Марокко права «наиболее благоприятствуемых наций» признавались за двенадцатью европейскими государствами и Соединенными штатами Америки. Версальский договор явился уже финишем первого круга этого соревнования; почти на всем африканском материке права «наиболее благоприятствуемых наций» сосредоточились в основном в руках уже двух держав: Англии и Франции. «Война стала неизбежной для капитализма, — писал Ленин, — потому что за несколько лет до нее империализм разделил мир по старым, так сказать, меркам силы, «исправляемым» войною»². Версальский договор должен был закрепить — навечно, как обещали его авторы — то соотношение сил, которое соответствовало могуществу двух колониальных империй: Британской и Французской.

1

Африканская глава занимает особое место в истории империалистической дипломатии. Система тайных соглашений, сделок за счет третьей стороны, выпадов из-за угла против своих же союзников, провокаций, подкупов развернулась здесь во всей своей неприглядной наготы.

Заключенное выражение эти методы нашли в дипломатической подготовке оккупации Египта Англией. Продолжительные переговоры британского министра иностранных дел Гренвиля с министром иностранных дел Франции Фрейсине об «египетском вопросе», вся история с созывом Константинопольской конференции держав и нотой турецкому султану о «вводении порядка» в Египте, измышления английского консула в Каире Эдуарда Малета об

¹ В. И. Ленин «Тетради по империализму», стр. 620, 626. Госполитиздат. 1939.

² Ленин. Т. XXI, стр. 309.

опасностях, угрожающих жизни европейцев в Египте, корреспонденции Уильяма Грегори в «Таймс» о «вопиющих злоупотреблениях, которыми кишмя-кишит Египет»,—все это было направлено к тому, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение Европы и позволить британскому флоту пробить дверь для вторжения «войск ее величества» в древнюю страну пирамид.

Гладстон счел пущым сообщить всему миру, что «англичане находятся в Египте в качестве не хозяев, а друзей египетского правительства»¹. А на седьмом году оккупации лорд Сольсбери, сменивший Гладстона, ссылаясь на продолжительность этой дружбы, заявил: «Англия останется в Египте до того времени, пока лондонский кабинет не получит уверенности в том, что египетское правительство достаточно сильно для того, чтобы самостоятельно справиться с внутренними и внешними опасностями, от которых Англия старалась оградить Египет»².

Но, как видно, ни тогда, ни много позже лондонские дипломаты не получили этой уверенности. Обещание, данное в 1885 году Друммондом-Вольфом в Константинополе Саиду-паше о заключении «конвенции, регулирующей уход британских войск из Египта в надлежащий срок»³, так и не было выполнено.

История раздела «черного материка» сохранила немало дипломатических актов, договоров, показывающих, какими средствами империалистическая дипломатия маскировала свои подлинные цели. Вот несколько действительно классических формулировок из арсенала дипломатической фразеологии⁴:

«...Французские военные власти займут те пункты, которые они признают нужными для обеспечения восстановления порядка и безопасности на границе и на побережье...» (Из франко-туниссского договора 1881 г.).

«Все державы... обязуются неусыпно заботиться о сохранении туземного населения и об улучшении его правственного и материального положения и быта...» (Из «Декларации относительно свободы торговли в бассейне р. Конго...»—1885 г.).

«...В интересах мира и независимости стран, расположенных по Средиземному морю...» (Нота Сольсбери на имя Корти от 12 февраля 1887 г.).

¹ Лависс и Рамбо «История XIX в.». Т. VIII, стр. 28.

² Там же, стр. 30.

³ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», Ч. 1-я, стр. 251. М. 1925.

⁴ Там же, стр. 236, 246, 252, 354.

«...озабоченные установлением в Марокко законного режима, основанного на внутреннем порядке и на общей безопасности, что позволило бы ввести реформы и обеспечить экономическое развитие страны...» (Из франко-марокканского договора 1912 года).

«.. Во имя пресвятой троицы» (так начинался итало-абиссинский мирный договор 1896 года), «во имя бога всемогущего» (это уже из генерального акта Алжирской конференции) требовалось, чтобы африканские народы, вовлеченные в кабальные сети этих договоров, точно придерживались их духа и буквы. Но сами дипломаты империализма относились к договорам и обязательствам, снабженным столь пышными риторическими украшениями и цитатами из евангелия, как к простым клочкам бумаги, которые могут быть подвергнуты весьма разнообразным операциям, вплоть до подлога. Так например поступило римское правительство с учтиальским договором, заключенным с абиссинским негусом Менеликом в мае 1889 года.

«Его величество царь царей Эфиопии,—гласила статья 17-я этого договора,— может прибегать к услугам правительства его величества итальянского короля во всех делах с прочими державами и правительствами»⁵. В Риме в итальянском экземпляре договора слово «может» заменили словом «должен» и предъявили на этом основании соответствующие претензии к Абиссинии.

Министерства иностранных дел неизменно заботились о том, чтобы оставлять в договорах и соглашениях, заключаемых с африканскими правителями, юридические лазейки, которые помогли бы оправдать дальнейшую агрессию. Таким был договор о разграничении Марокко с Алжиром, заключенный в Лала-Маре, не определявший точной границы и неоднократно представлявший Франции повод для пограничных инцидентов, со всеми вытекающими отсюда неприятными для Марокко последствиями.

Опираясь на неравноправные договоры, европейская дипломатия перешла уже к более крупной игре, в которой силы и дипломатическое искусство сторон были приблизительно равны. Договоры «по африканскому вопросу», заключенные между империалистическими государствами, бесконечные соглашения о status quo, о разграничении сфер влияния, об обмене территориями могли бы напомнить старинный полонез, в котором стороны сходятся или расходятся в ритмичном движении, если бы только каждая их встреча не влекла

⁵ Сборник «Абиссиния», стр. 428. Изд. Академии наук СССР. 1936.

за собой сделку за счет третьей стороны, а каждое «расхождение» не грозило войной.

«Политика...— писал Клаузевиц,— является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах¹. В лоне африканской политики европейских государств с первого же дня ее рождения были заложены зародыши больших европейских войн. И чем яснее вырисовывались контуры войн, которые неизбежно должны были охватить и африканский материк, тем ожесточеннее становились торопливые усилия дипломатии добиться еще в мирное время наиболее благоприятной стратегической обстановки.

Стратегические интересы были положены в основу и Константинопольской конвенции девяти держав о Суэцком канале (1880 год), и франко-английского договора 1890 года о южном Алжире и области Нигера, и англо-германской конвенции (1890 год) об обмене Занзибара на Гельголанд. Тревога Британии о судьбах африканского берега Гибралтарского пролива нашла свое отражение в бесконечных соглашениях, оговорках, напоминаниях о специальном режиме Танжерской зоны. Германский рейхсканцлер Бюлов жестоко ошибался, телеграфируя Вильгельму II после столь нагумешней речи кайзера в Танжере (1905 год): «Английская колония в Танжере решила воздвигнуть триумфальную арку в честь вашего величества»². Англичанам в Танжере, так же как и англичанам в Лондоне, отнюдь не улыбались те притязания Германии, которые скрывались за визитом ее императора в Танжер. Еще за год до танжерской речи Вильгельма в соглашение об англо-французском «сердечном согласии» («Entente cordiale») была включена по настоянию британского кабинета специальная статья, гласившая, что и Англия и Франция «в целях обеспечения свободного прохода через Гибралтарский пролив... соглашаются не допускать возведения укреплений или каких-либо стратегических сооружений в части марокканского побережья, заключенной между Мелилей и высотами, господствующими над правым берегом Зебу...»³.

Во исполнение этой директивы французский министр иностранных дел Делькассе включил в секретное соглашение с Испанией о Марокко (1904 год) особую оговорку о Танжере, который «сохранит специальный характер». Этот «специальный ха-

рактер» Танжера упоминается и в дальнейших соглашениях: франко-марокканском договоре о протекторате и франко-испанской конвенции 1912 года.

2

В историю раздела и передела Африки вписано немало страниц, рассказывающих о том, как в тиши дипломатических кабинетов готовились планы новых походов, создавались «поводы» для вмешательства, выискивались предлоги для нападений, как, закабалая с помощью экономики свои будущие жертвы, накидывая на них петлю ростовческих займов, империалистические государства готовили почву для захватов.

Нападение Франции Карла X на Алжир было совершено под предлогом возмездия за оскорбление французского консула Девалея, которого алжирский бей Хусейн якобы ударил ручкой своего опахала. Это отрицалось не только алжирскими арабами, но и английской прессой. Тем не менее французская эскадра высадилась в июле 1830 года на берегах Алжира три пехотных дивизии и под флагом борьбы с «гнездом варваров и пиратов» начала закабаление страны.

В 1867 году лорд Напир вторгся в Абиссинию, воспользовавшись арестом в Аддис-Абебе английского консула Камерона. Британское правительство сделало при этом все для того, чтобы предотвратить скорое освобождение Камерона, так как в этом случае отпадал предлог для войны.

Семилетняя война англичан с кафрами в Южной Африке (1846—1853 годы) так и вошла в историю под названием «войны из-за топора». История повествует об одном кафре, который якобы украл топор, подвергся аресту, но был отбит своими соплеменниками у английского конвоя. Этот незначительный эпизод послужил поводом для кровавых репрессалий, беспощадного уничтожения кафрских племен, мужественно защищавших свою землю.

В поисках повода для захвата Туниса французское правительство официально заявило о необходимости наказать тунисское племя крумиров, беспокоивших своими набегами французский Алжир. Однако даже парижская печать того времени вынуждена была признать, что французские войска, вторгшиеся в Тунис, нигде не могли обнаружить злокозненных крумиров. Но цель была достигнута: Тунис перешел в руки Франции. В договоре о протекторате, подписанном 12 мая 1881 года, правительство Третьей республики любезно брало на себя обязательство оказывать тунисскому бею «постоянную помощь против всякой опасности, которая угрожала бы личности или династии его выс. или ставила бы под сомнение спокойствие его владений... Ди-

¹ Клаузевиц «О войне», стр. 144. Госвоениздат. 1937.

² «Grosse Politik». В. XX, S. 273.

³ «Международная политика новейшего времени». Ч. I-я, стр. 314.

пломатические и консульские агенты Франции в трех государствах будут ведать защитой интересов Туниса и его подданных. Взамен сего, — именно так и написано в этом договоре, — его выс. бей обязуется не заключать ни одного имеющего международный характер акта, не осведомив о нем правительства Французской республики и не согласившись с ним об этом предварительно...»¹.

Стремление овладеть золотonosными залежами Трансвааля и алмазными россыпями Кимберлея толкнуло могущественную Британскую империю на войну с двумя маленькими бурскими республиками. Эта захватническая война была задралирована в пышную тогу «борьбы с рабовладельцами», а непосредственным поводом к ней послужило убийство англичанина трансваальским полицейским. Британский империализм получил неплохие проценты на такой незначительный капитал, как труп безвестного забулдыги, оказавшего вооруженное сопротивление при аресте. Ловкость английской дипломатии, ее маневры привели также к тому, что буры формально первые начали военные действия, не получив в условленный срок ответа на свой ультиматум, требовавший прекращения концентрации английских войск на границах Трансвааля.

В своих «Тетрадах по империализму» Ленин выискивал следующее место из книги Альбрехта Вирта «Всемирная история современности»:

«Какая-нибудь страна вызовет корыстное возмещение современной могущественной державы. Страна эта. — будь то Куба, или Либия, или Иран, — находится в затруднительном положении, в ней происходят беспорядки, которые, однако, можно было бы уладить, если бы никто не вмешивался. Иностранная держава не дает закрыться ранам, усиливает существующие беспорядки и еще провокаторски присоединяет к старым новые.. И вот в стране, где произошли беспорядки, возникает естественное озлобление против подозревающих к беспорядкам чужеземцев. Дело доходит до взрыва народных страстей, до жестокостей. Чтобы отомстить за них, иностранная держава посылает войска и одновременно представляет подвергшейся вторжению стране счет за свое вторжение»².

По такой схеме разворачивалась история колониального порабощения и Египта, и Марокко, и многих других африканских государств. Национальное движение Арабии в Египте было ответом на беспощадную эксплуатацию Египта англо-француз-

ским капиталом. Воспользовавшись этим движением как предлогом для интервенции и захвата страны, Англия утвердила свое господство на берегах Нила.

«Ликвидация беспорядков» неоднократно служила поводом для вмешательства Франции в марокканские дела. В 1901 году Франция объявила о присоединении оазисов Туата и Игли под предлогом борьбы с разбойничьими бандами. Рассказывая о способах «внедрения» французского империализма в Марокко и происках тогдашнего министра иностранных дел Франции Делькассе, известный английский пацифист Э. Морель писал: «Сама судьба устроила для Делькассе то, что в нужный момент один французский подданный был убит марокканцем, вследствие чего французский представитель в Танжере потребовал присылки двух французских военных судов»³.

В соглашении с Францией о разделе сфер влияния в Африке, заключенном 8 апреля 1904 года, Англия признавала, что правительство Французской республики будет «сметить за спокойствием в Марокко». И во исполнение этой своей «высокой миссии» Франция вмешивалась в дела Марокко, пока не заставила в 1912 году безвольного марокканского султана Мулай-хаха подписать договор о протекторате. «Е. в. султан отныне соглашается на то, — гласил этот договор, — чтобы французское правительство приступило... к военной оккупации марокканской территории, в размере, который оно признает необходимым для поддержания порядка и для ограждения безопасности товарообмена...»⁴.

С еще большим рвением действовала дипломатия империалистических государств в тех случаях, когда поле ее деятельности было претворительно удобрено кабальными, ростовщическими займами, когда она выстукала, подывая на щит неоплаченные купоны этих займов.

Колониальное порабощение Туниса началось в 1863 году, когда французские банки навязали тунисскому бейу, пользуясь его финансовыми затруднениями, заем в 39 миллионов франков на чрезвычайно тяжелых условиях. Банки удержали на «покрытие» оперативных расходов 10 миллионов франков, около 20 миллионов уплыло в оплату комиссионных, премий и множества других фантастических вычетов. Тунис получил только 5,5 миллиона франков, обязавшись выплатить за это 63 миллиона франков в течение пятнадцати лет. Спустя два года бей вынужден был прибегнуть к новому займу, который отдал в руки французских банкиров все таможен-

¹ «Международная политика новейшего времени». Ч. 1-я, стр. 236.

² В. И. Ленин «Тетради по империализму», стр. 463.

³ Э. Морель «Десять лет секретной дипломатии», стр. 14. Гиз. 1924.

⁴ «Международная политика новейшего времени». Ч. 1-я, стр. 354.

ные доходы государства. Еще через два года французская дипломатия могла зафиксировать в графе своих достижений полный финансовый контроль над Тунисом.

Этот же метод был применен английскими и французскими банками в Египте, но плоды здесь пожала британская дипломатия, оттеснившая Францию на второй план. Финансовое «гребанье» египетского хедива Исмаила имело трагические последствия для страны. Из 68 миллионов фунтов стерлингов, предоставленных займы Египту к концу 1875 года, египетское казначейство получило всего лишь 44 миллиона. Железные дороги обошлись Египту в 325 миллионов франков, в то время как их фактическая стоимость не превышала 75 миллионов.

Столь же изощренная финансовая «изобретательность» была проявлена позднее французским капиталом в Марокко. В 1904 году под нажимом французского кабинета марокканский султан был вынужден заключить в Париже заем в 2,5 миллиона фунтов стерлингов. Эмиссия этого займа была проведена с такой «ловкостью рук», что султан получил лишь 1920 тысяч фунтов, а в обеспечение уплаты процентов по займу Франции было предоставлено 60 процентов таможенных доходов. Следующий заем, заключенный в 1910 году на сумму 100 миллионов франков, отдал в руки ростовщиков все таможенные доходы страны.

3

Еще до мировой войны 1914—1918 годов в Африке завязался чрезвычайно сложный узел империалистических противоречий. Закулисная борьба соперничающих держав не прекращалась ни на минуту. Тайные сговоры и секретные соглашения, взаимные «коченсации» и обмены территориями прочно вошли в практику дипломатической игры.

Захват Туниса был затаенной мечтой Италии, которая, как «наследница» древнего Рима, претъявляла свои притязания на «разрушенный Карфаген». Но судьба Туниса уже была претрешена в кулуарах Берлинского конгресса 1878 года. Французский публицист Эрнест Лемонон рассказывает, что на этом конгрессе лорд Солсбери сообщил французскому уполномоченному Ваддингтону текст заключенного Англией с Турцией тайного договора о передаче острова Кипра Англии и спросил, на какие компенсации претендует Франция. Ваддингтон, застигнутый врасплох этим вопросом, не решался отвечать, и тогда английский министр заговорил с ним о Тунисе. «Тунис,— писал Э. Лемонон,—был тогда отдаленной еще целью, к которой устремлялись зарождавшиеся колониальные

вожделения Франции, и в интересах Франции было возможно скорее достигнуть этой цели. Такого мнения придерживался и Ваддингтон, а потому он с нескрываемым удовольствием принял предложение Солсбери. После обмена телеграммами обоих уполномоченных с их министрами было установлено, что Англия несколько не помешает Франции утвердиться в Тунисе, когда ей заблагорассудится. Рассказывают, что по возвращении из Берлина Ваддингтон говорил, что привез Тунис в своем портфеле...»¹.

Эта закулисная сделка не смятила, однако, многолетнее англо-французское соперничество в Африке. Только через два десятилетия, уже после столкновения в Фашоде, в отношениях между Парижем и Лондоном наметился сдвиг, завершившийся созданием англо-французской Антанты. А в дни знаменитого фашодского инцидента, когда на берегу Белого Нила столкнулись лицом к лицу английская и французская экспедиции и когда полковник Маршан вынужден был опустить французский флаг по требованию генерала Китченера, угроза войны между Англией и Францией носила вполне реальный характер.

Франция в эти дни, как сообщал в своих «Воспоминаниях» Витте, обратилась за содействием к своей союзнице — России, но Петербург посоветовал французскому правительству не доводить дело до разрыва. «Я,— писал Витте,— сказал графу Ламсдорфу, что, по моему мнению, следует откровенно ответить Делькассе, что Россия не может в данном случае поддерживать Францию на том простом основании, что флот наш столь слаб, что оказать какое-либо давление на Англию мы не можем, а с другой стороны, мы не имеем никакого непосредственного соприкосновения с Англией на сухопутной границе. Мы могли бы сделать диверсию в Средней Азии по направлению к Индии, но и тут, к сожалению, мы быстро ничего не можем сделать, потому что не связаны с Средней Азией непосредственно железной дорогой...»².

Франции пришлось отступить. 21 марта 1899 года Делькассе подписал с Англией договор, в силу которого французские владения в Центральной Африке были отодвинуты на 15 градусов к западу, и Франция оказалась окончательно отброшенной от бассейна Нила и Бар-Эль-Тезала.

Фашоде была поворотным пунктом во внешней политике Франции. Но поворот был сделан вовсе не в ту сторону, как этого, казалось, можно было ожидать. «Ду-

¹ Э. Лемонон «Очерк истории англо-французских отношений», стр. 9 М. 1923

² Витте «Воспоминания». Т I, стр. 332—333.

мали,—писал впоследствии Бертигарт Булов,—что раздражение против Англии заставит Францию встать на сторону Германии, что разочарование в Судане сгладит воспоминание об утрате Эльзаса и Лотарингии и надежда на возмездие за Фашоду уступит место мысли реванша за Мец и Седан. Нельзя было более ошибаться в основах французской политики»¹. Но Франция избрала другой путь—путь сближения с Англией. В дебрях Африки был заложен фундамент англо-французского «сердечного согласия». 8 апреля 1904 года было подписано секретное франко-английское соглашение о разграничении сфер влияния в Африке.

Этот документ был смертным приговором для независимости марокканского государства. Франция окончательно признавала господство Англии в долине Нила, а Англия взамен предоставляла Франции полную свободу действий в Марокко. Статья 2-я соглашения в завуалированной форме говорила об этом, ибо она приравнивала Марокко к Египту, уже захваченному британским империализмом, и указывала, что «высокие договаривающиеся стороны» пришли к соглашению о введении в этих странах законодательных «реформ». А в секретном соглашении прямо говорилось, что «некоторое количество марокканской территории, прилегающей к Менилье, Цеуте и др. президам, должно будет в тот день, когда султан прекратит осуществлять над ними свою власть, войти в сферу испанского влияния»².

Так заранее предопределялось нарушение неприкосновенности Марокко, и так британская дипломатия заранее оговаривала, что африканский берег Гибралтарского пролива не должен попасть в руки Франции.

Но Франции предстояла еще упорная борьба за Марокко с другими, не менее серьезными и опасными противниками. Под солнцем Африки искал «места» и молодой германский империализм, опоздавший к разделу мира и непрестанно предъявлявший свои притязания. 31 марта 1905 года Вильгельм II высадился в Танжере и в произнесенной там речи подчеркнул «независимость и суверенитет Марокко». В Европе снова запахло порохом. Несмотря на энергичную поддержку со стороны лондонского кабинета и лондонской прессы Франции пришлось пойти на компромисс. Делькассе по настоянию Германии был удален в отставку. Лондонские газеты настолько дружно взяли его под свою защиту, что, по словам Меттерниха, герман-

ского посла в Лондоне, они «стали более французскими, чем парижские». Министр иностранных дел Англии лорд Лэндсдоун уговаривал французского премьера Рувье не уступать давлению Германии. Шла речь даже о вооруженной помощи Франции со стороны Англии в случае войны с Германией. «Британское правительство, как рассказывал полковник Фабер, имело план снарядить и перебросить через Ла-Манш 170-тысячный экспедиционный корпус»³, — писал позднее в своих мемуарах германский дипломат Эрнст Ревентлов.

Угроза войны с Германией остановила Францию. Она согласилась на созыв в Алжесирае международной конференции по марокканскому вопросу. Эта конференция в своем заключительном генеральном акте гарантировала «независимость» Марокко и «равенство» держав. «Попытка устранить Германию от участия в важном международном решении не удалась,—резюмировал итоги своего дипломатического демарша Булов.—Германия заручилась таким образом правом голоса при дальнейшем урегулировании марокканских дел, от которого она могла бы отказаться лишь при получении соответствующих компенсаций... За отказ от этого права Германия получила впоследствии часть Конго, чего она достигла благодаря только Алжесирау и своему выступлению в 1905 году»⁴.

Цепой нового нажима на Францию после того, как германская канонерка «Пантера» совершила в 1911 году свой знаменитый «прыжок» в Агадир, Германия получила эту территориальную компенсацию во Французском Конго, санкционировав взамен захват Марокко Францией⁵.

³ Graf Ernst Rewentlow «Deutschlands auswärtige Politik 1888—1914», S. 411.

⁴ Bulow «Deutsche Politik», S. 106.

⁵ Агадир—марокканский порт на Атлантическом побережье. Появление германского военного судна «Пантера» у Агадира, мотивированное необходимостью «защиты жизни и интересов» германских подданных в Марокко, произвело переполох в дипломатических кругах Лондона и Парижа. Лондонский кабинет дал понять, что Англия не намерена допустить Германию на марокканскую территорию. Министр финансов Ллойд-Джордж выступил с прямой угрозой войны по адресу Германии. Франко-германские переговоры, вызванные агадирским инцидентом, привели к соглашению (от 4 ноября 1911 года), по которому Германия значительно увеличивала за счет Французского Конго территорию своей колонии Камеруна на 275 тысяч квадратных километров с населением около миллиона человек. Но взамен этого Франции была предоставлена в Марокко уже полная свобода рук. Марокко, как заявил министр иностранных дел Англии Эдуард Грей, «переменило свой цвет на карте».

¹ Bulow «Deutsche Politik», S. 110—111. Berlin. 1917.

² «Международная политика новейшего времени». Ч. 1-я, стр. 316. (Подчеркнуто нами—В. К. и В. Л.)

Когда в Риме стало известно о включении Марокко в число французских колониальных владений, итальянский министр иностранных дел маркиз Сан-Джулиано сказал своим секретарям, взглянув на часы: «Заметьте себе день и час. Сегодня решился вопрос, что мы идем в Триполи. Нам не останется другого выбора, если мы не желаем упустить последней минуты для приобретения Триполи»¹. Итальянский империализм после войны с Турцией получил Триполи — свою компенсацию за захват Марокко Францией, компенсацию, оговоренную еще в 1903 году тайным договором, заключенным с Делькассе: Еще за двадцать лет до захвата Триполи (1912 год) итальянская дипломатия, стремившаяся создать благоприятную для этой агрессии обстановку, предприняла соответствующие шаги в Лондоне, Берлине, Вене. Лорд Сольсбери посоветовал тогда Крипси подождать. «Италия получит Триполи,— говорил он,— но охотник должен ждать, пока олень не подойдет на расстояние выстрела»². Римская «Диана» терпеливо ждала своего африканского «оленья».

4

Для правов дипломатии империалистических держав в Африке особенно характерен интересный, но, к сожалению, скупо освещенный в нашей литературе вопрос о секретных англо-германских соглашениях, предусматривавших раздел колониальных владений Португалии на «черном континенте».

На пороге XX столетия, в 1898 году, в кратковременный период англо-германского «флирта», германским послом в Англии графом Хацфельдом и Бальфуэром были подписаны в Лондоне два соглашения. В первом из этих соглашений — оно не было названо секретным, но текст его, тем не менее, не был опубликован — оба правительства на условном дипломатическом жаргоне договорились защищать «неприкосновенность и независимость» Португалии и предоставить ей заем, если она будет нуждаться в деньгах. В случае «банкротства» Португалии соглашение предусматривало право Англии на получение таможенных доходов во всей той части Мозамбика, которая расположена к югу от реки Замбези, а также в центральной части Анголы. Германия же получала в свое распоряжение таможенные доходы в части Мозамбика к северу от реки Замбези, а также в северной и южной частях Анголы. Во втором, строго секретном со-

глашении были уже поставлены все точки над «и». Это соглашение устанавливало, что в случае, если, «к несчастью», не представится возможным сохранить неприкосновенность Португальской империи, обе стороны «будут пользоваться полной свободой действий в соответствующих таможенных областях», определенных первым соглашением.

Это был заключенный по всем правилам искусства буржуазной дипломатии договор о разделе при первом же удобном случае португальских колоний в Африке, и идеолог британского империализма Сесиль Родс не постеснялся с присущим ему цинизмом открыто заявить, что «экспроприация Португалии является неотложной мерой, которая диктуется международными интересами»³.

Но «коварный Альбион», заключив тайком соглашение с Германией, спустя год тоже тайком возобновил в Виндзоре старый союзный договор с Португалией, подписанный еще в XV столетии. Этот договор, гарантирующий неприкосновенность владений обоих государств: могущественной Англии и маленькой Португалии,— содержал взаимное обязательство защищать эти владения в случае необходимости. Новый виндзорский договор Англии с Португалией благодаря нескромности одного иностранного дипломата стал известен Бюлову. Этот договор, как сетовал впоследствии Бюлов, «стоял в резком противоречии с духом англо-германского соглашения относительно португальских колоний»⁴.

Англо-германские переговоры о разделе португальских колоний возобновились накануне первой империалистической войны и привели к новому соглашению, еще более угрожающему для Португалии. Со стороны Германии переговоры вел германский посол в Лондоне князь Лихновский. «Благодаря претупредительному отношению английского правительства,— рассказывал он,— мне удалось придать новому соглашению форму, абсолютно соответствующую всем нашим желаниям и интересам. Нам была предоставлена вся Ангола до 20° долготы, так что с юга мы соприкасались с государством Конго... Затем мы получили северную часть Мозамбика. Ликанго служило границей»⁵. По словам Лихновского, Англия была тогда даже готова включить в договор и Бельгийское Конго, но, писал он, «мы отказались от этого

³ См. E. Lemonon «L'Europe et la politique britannique», p. 187.

⁴ Бюлов «Воспоминания», стр. 135. 1935.

⁵ Lichnowsky «Meine Londoner Mission», S. 16—17. Berlin. 1919.

¹ См. Bulow «Deutsche Politik», S. 90—91.
² См. Дармштедтер «История раздела Африки (1870—1919)», стр. 111. Гиз.

предложения, сдававши вид, что боимся обитеть Бельгию»¹.

Новая редакция договора предоставляла Германии значительное преимущество по сравнению со старой. «В ней, — утверждал Лихновский, — были предусмотрены случаи, дававшие нам право вмешательства для защиты наших интересов в предоставленных нам областях. Эти случаи были намерены так широко, что, в сущности, нам самим предоставлялось решать, когда шло дело о «жизненных интересах». Таким образом, в виду полной зависимости Португалии от Англии нам оставалось только поддерживать добрые отношения с Англией, чтобы впоследствии с согласия англичан осуществить наши общие намерения».

В главных чертах договор был готов уже в мае 1913 года. В конце июня 1914 года германское правительство дало согласие на его подписание. Но было уже поздно. Надвинулась мировая война, и дипломаты уступили свое место полководцам.

Вопрос о разделе португальских и бельгийских колоний в Африке возобновился лишь через 25 лет, когда Германия, восстановив свою разрушенную Версалем военную мощь, потребовала возвращения своих колоний. Большая часть ее колониальных владений в Африке досталась Англии. Но Лондон считал возможным удовлетворить колониальные притязания Германии за счет малых колониальных держав. «Я не считаю, — писал на страницах «Таймс» лорд Лотинан, — что эта проблема может быть разрешена путем возвращения Германии старых германских колоний. Это не разрешит трудностей Германии. Кроме того положение с 1914 года изменилось. Вопрос надо рассматривать гораздо шире. Все колониальные нации должны быть готовы принять участие в переделе территории»².

5

Первая империалистическая война создала новое соотношение сил в Европе и новую карту «черного материка». Собылось предсказание английской консервативной газеты «Spectator», возмещавшей еще в 1898 году, в напряженные дни фашодского инцидента, что «Африка в конце концов станет французской и английской, причем Франции будет принадлежать север и запад, а Англии — восток и юг». Африка стала французской и английской. Осуществились, казалось, планы Сесилия Родеса и мечты французского президента Жюлья Ферри о колониальной политике, ко-

торая «обеспечит Францию на полвека, на век вперед».

Германия была лишена всех своих африканских колоний. Львиная доля их — 2 158 200 квадратных километров с населением в 7 миллионов человек — досталась Великобритании; 495 тысяч квадратных километров с населением в 3 миллиона человек получила Франция; на долю Бельгии пришлось сравнительно «скромная» порция в 54 тысячи квадратных километров; Италия же при этом дележе африканской добычи была обойдена.

Правда, в секретном Лондонском соглашении от 26 апреля 1915 года, определившем цену вступления Италии в войну на стороне Антанты, было оговорено, что «в случае если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними французских и английских колоний»³.

Англо-французские дипломаты не скупились на обещания, вовлекая Италию в войну, но уже тогда они не имели уверенности в том, что эти обещания будут обязательно выполнены. За две недели до заключения Лондонского соглашения Руанкаре записал в своем дневнике: «Мы с таким нетерпением ожидаем вступления Италии в войну, что готовы дать самые обширные обещания».

Таким образом, версальский передел мира завязал на «черном континенте» новые узлы империалистических противоречий и создал новые очаги войны. По мере того как изменялось реальное соотношение сил, Германия все громче поднимала свой голос, напоминая о том, что она не забыла и не склонна забыть о своих утерянных африканских колониях. Рим не переставал добиваться расширения границ своих владений в Африке. Незначительные компенсации Италии были получены от Англии в 1919 году. Соглашение 1935 года (Муссолини — Лаваль) увеличивало Ливийскую колонию на 120 тысяч квадратных километров и несколько расширяло границы итальянского Сомали. Но Италия ставила себе более широкие цели.

Британская дипломатия всячески пыталась нейтрализовать растущие требования Италии, направить их в иное русло, не затрагивающее британских интересов. Соглашением с Римом 16 апреля 1938 года

¹ Lichnowsky «Meine Londoner Mission», S. 16—17. Berlin. 1919.

² «Times», 15.VII.1936.

³ «Международные отношения в эпоху империализма». Серия 3-я. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 262.

Англия пыталась стабилизировать положение в Аравии и Восточной Африке. Она готова была пойти и на уступки, но за счет, конечно, третьей стороны — за счет Франции, Бельгии или Португалии.

Бурную деятельность развернула на берегах Средиземного моря французская дипломатия. Вскоре же после заключения версальского договора ей пришлось отпарировать несколько серьезных ударов, исходивших из Лондона. Все тот же «коварный Альбион», числившийся главным союзником Франции, поддерживал движение риффов, направленное против французского владычества, содействовал сближению между Италией и Испанией, подрывал влияние Франции в Абиссинии. Британская дипломатия продолжала развивать свою вековую «политику равновесия».

Отбивая эти удары, Франция переходила в контрнаступление. Она энергично протестовала против англо-итальянского соглашения 1920 года, разделявшего Абисинию на две сферы влияния: английскую и итальянскую; она добилась включения Абисинии в состав членов Лиги наций. Но старая «мерка сил» быстро изменялась,

и одна за другой рушились иллюзии, которыми вопреки всему продолжали утешаться господствующие классы Франции. Миражом в пустыне оказалось представление французской дипломатии о том, что соглашение 1935 года, отдававшее Италии страну негуса, повлечет за собой отказ Италии от притязаний на Тунис. Пронитранной оказалась и ставка на итало-германские противоречия. Франсуа Понсе, назначенному правительством Даладье послом в Рим, так и не пришлось сыграть роль французского посла Баррера, которому удалось в 1915 году привезти в Париж в подарок Пуанкаре и Мильерану проект соглашения о вступлении Италии в войну на стороне Антанты.

Впрочем, времени для дипломатических маневров оставалось не так уж много. Борьба за Африку, за сохранение двумя колониальными империями их мирового господства уже выходила за пределы дипломатических канцелярий.

В Африке заговорили пушки. Начался новый этап вооруженной борьбы за «черный континент».

